

О ДИСЦИПЛИНЕ И КУЛЬТУРЕ МЫШЛЕНИЯ To the question of discipline and culture of thinking

В. А. Молчанов, кандидат философских наук, доцент
Уральского государственного аграрного университета
(Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42)

Аннотация

В философском мышлении категории применяются к категориям, что выражается в навыке двигаться в чистых определениях мысли «без чувственных субстратов». Применение к ним аппарата формальной логики подменяет категориальный анализ родо-видовым упорядочиванием терминов и представлений, в которых данные категории воплощаются.

Вот почему, не путая понятий со словами, философия избегает уверений, назидательности, орacularских пророчеств и ложного авангардистского пафоса, ибо заставляет (позволяет!) говорить языком самого предмета. Поэтому философ должен уметь подчинить себя «ритму понятия», «самодвижению категорий» и опыту мысли, накопленному в классических философских системах. «Новое мышление» всегда по-хорошему «старо», если новизна эта касается именно мысли.

Ключевые слова: «новое мышление», «плюрализм», уважение к формальной логике, культура как способность всех способностей, способность человека к самоопределению.

Summary

In philosophical thinking categories are applied to categories, which results in a skill to move in pure definitions of thought “without a sense of substrates”. Subjecting to them apparatus of formal logic replaces the categorical analysis by subsumption ordering of terms and concepts in which these categories are embodied.

That is why the philosophy avoids assurances, edification, oracular prophecies and false pathos of the avant-garde, because it causes (allows) speaking in the language of the subject. Therefore, the philosopher must be able to subordinate themselves to “the rhythm of the concept”, “self-movement categories” of thought and experience gained in the classical philosophical systems. “New thinking” is always in the good way “old” if it is concerned with the novelty of this idea.

Keywords: “new thinking”, “pluralism”, respect to formal logic, culture as ability of all abilities, the human capacity for self-definition.

Цель и методика. Времена перестройки и последующих реформ заметно пополнили наш политический лексикон. И, пожалуй, наиболее примечательными в нем были термины «новое мышление» и «плюрализм», воплощенные в «дорожной карте» реформы отечественного образования.

Если во имя обновления нашей жизни усваивать понятия эти без отрыва от надежной традиции классической философской мысли, которая всегда нова, то ставшее расхожим выражение «плюрализм мышления» наводит на соображение о том, что обычно «все умные думают одинаково». А вот «не думать» можно как раз по-разному. Ибо вариантам глупости и недомыслия нет числа.

Плюрализм ради истины или плюрализм вместо истины – вот в чем вопрос. И реагируя на него, коллективный инстинкт разумности не случайно сделал поправку в языке, сменив «плюрализм мышления» на более адекватный термин «плюрализм мнений».

Плюрализм мнений ради истины и дает монизм мысли. В истории человечества так было всегда. Тот же, кто пожелал бы всерьез и на деле проигнорировать эту азбучную истину диалектической теории познания, неизбежно оказался бы в том положении, от которого в своих

письмах к А. Луначарскому попытался уберечь соотечественников В. Короленко: преобразуя современную буржуазную цивилизацию, не разрушить бы под флагом обновления азы цивилизации вообще! Сегодня на горизонте замаячила та же «плюралистическая опасность», но уже под лозунгом «обновления» антикоммунистического: когда, например, в целях борьбы с бюрократизмом предлагался демонтаж государства и его институтов (аппарат управления, Советская армия, КПСС и т. д.).

Различение «цивилизации» и «культуры» применительно к развитию сущностных сил человека вообще, а к мышлению в особенности, выражается в различии «культуры» и «дисциплины» мысли. Нередко, однако, в литературе не проводится различия между тем и другим. Например, советский словарь по коммунистическому воспитанию относит к культуре мышления «совокупность выработанных человечеством приемов, норм и правил умственных действий», соблюдение «определенности, последовательности, непротиворечивости и доказательности» в процессе рассуждения, наконец, «культуру речи» и умение «точно фиксировать мысли в словах».

Как видно, требования к любому цивилизованному сознанию здесь просто выданы за императивы культурного мышления без всяких дальнейших оговорок. Между тем мышление – это обязательно и сознание, но вот не всякое сознание обязательно есть мысль. Ведь помимо собственно «мысли» сознание может содержать и «мнение», т. е. «случайную мысль». Отсюда необходимость разграничения того и другого, давно и определенно установленная классической философией. Скажем, по Канту, «принуждение, ограничивающее и, в конце концов, искоряющее постоянную склонность к отступлениям от тех или иных правил, называется дисциплиной. Дисциплину следует отличать от культуры, которая должна только доставлять навыки, не устраняя другие, уже существующие» [2, т. 3, с. 598]. Необходимо различать дисциплину «мнящего сознания» и дисциплину «мыслящего сознания».

Цивилизованность вообще состоит в дисциплинированности индивида. Конкретнее, сюда относятся, во-первых, способность человека отделять себя от своей жизнедеятельности, делая ее предметом сознания и воли. Во-вторых, умение обуздывать свои природные влечения и удовлетворять свои органические потребности общественным способом. И, в-третьих, умение человека быть гражданином своей общности, т. е. подводить индивидуальные действия под общие для всех разумных существ правила жизни.

Соответственно цивилизованность сознания или дисциплина мысли суть способность подчинять свою духовно-душевную деятельность общезначимым для данной эпохи нормам, устоявшимся значениям представлений и их вербальным выражениям. Дисциплина мысли обеспечивается путем соблюдения правил формальной логики. Уважение к формальной логике – пароль на вход в лоно современной цивилизации. Она стоит на страже терминологической определенности продуктов мыслительной деятельности людей, способствуя обращению этих продуктов в рамках данного человеческого коллектива. Нормы гражданского общества и формальной логики придают общезначимую техническую форму (форму всеобщности) для продуктов творческого самоопределения человека в его чувствах, мыслях и делах.

Жизнь, однако, постоянно идет вперед, и правила ее постепенно и неумолимо устаревают. Там и тогда, где и когда человек замечает и резко формулирует противоречие между новыми обстоятельствами жизни и старыми ее правилами, там где ставится вопрос об истинности самого правила и где становится ясно, что действовать по правилам еще (или уже!) не значит действовать «правильно», там сознание превращается в собственно мышление.

Теорией этого умения, т. е. наукой об уме, как способности разрешать противоречия и выступает материалистическая диалектика. Она и есть синоним подлинной культуры мысли,

а именно: умения не только подводить единичный факт под заранее известное правило, но и продуцировать новые правила для новых жизненных фактов.

С позиции Гегеля, культурными называются люди, «которые в состоянии сделать все то, что делают другие» [1]. Однако культура не есть полифункциональность человека как исполнителя многих ролей. Ведь можно блестяще выполнять даже функцию мыслителя, при этом вовсе не умея мыслить.

В культуре как таковой происходит становление способностей человека к самоопределению, наращиванию его продуктивных сил, его субъектных характеристик, просыпается умение свободно говорить языком самого предмета безо всякой «отсебятины». Не случайно Кант понимал под культурой «приобретение <...> разумным существом способности ставить любые цели вообще» [2, т. 5, с. 464]. Другими словами, культура – это способность всех способностей. Говоря же проще, она есть «умение <...> уметь» [3].

Культура же мысли – это способность человека к самоопределению в сфере идеального постижения сути предмета посредством понятий. Такое самоопределение связано с категориями. Являясь всеобщими формами предметного освоения действительности человеком, категории придают мышлению такую определенность, которая исключает субъективный произвол и шатание (например, плюрализм вместо истины), четко указывая на то, что мыслящему существу делать нельзя. Но в то же время они настолько неопределенны, что позволяют человеку проявлять мужество и инициативу мысли, совершать самые смелые акты синтеза и обобщений, перед которыми меркнет свобода воображения любой мифологии, как древней, так и современной.

В мышлении философском категории являются одновременно и формами дисциплины и формами культуры: себя саму дисциплинирующей культурой и культивирующей себя дисциплиной мысли – тем самым, что в практике житейской простодушно именуют мудростью.

Философская культура вообще предполагает умение критически относиться к собственным мыслительным предпосылкам как к положенным тобою. По-видимому, с учетом этого Кант и сформулировал свои знаменитые три максимы для мыслителей.

Думай сам.

Мысли себя <...> на месте любого другого.

Всегда мысли в согласии с самим собой [2, т. 6, с. 471].

Результаты. В философском мышлении категории применяются к категориям, что выражается в навыке двигаться в чистых определениях мысли «без чувственных субстратов». Применение к ним аппарата формальной логики подменяет категориальный анализ родо-видовым упорядочиванием терминов и представлений, в которых данные категории воплощаются.

Вот почему, не путая понятий со словами, философия избегает уверений, назидательности, оракульских пророчеств и ложного авангардистского пафоса, ибо заставляет (позволяет!) говорить языком самого предмета. Вот почему философ должен уметь подчинить себя «ритму понятия», «самодвижению категорий» и опыту мысли, накопленному в классических философских системах. «Новое мышление» всегда по-хорошему «старо», если новизна эта касается именно мысли.

Библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1934. Т. 7. С. 216.
2. Кант И. Соч. М., 1966.
3. Молчанов В. А. Классовый подход – не навешивание ярлыков! // Урал. 1988. № 10. С. 152.